

РЕЦИДИВ ВЕЙСМАНИЗМА ПОД ФЛАГОМ ЗАЩИТЫ ДАРВИНИЗМА

Н. И. НУЖДИН

В 1859 г. вышло в свет бессмертное произведение Ч. Дарвина «Происхождение видов», совершившее переворот в биологической науке и положившее начало качественно нового ее этапа. С метафизическим периодом в биологии было покончено. Утвердив в науке идею развития, идею происхождения одних форм из других и дав объяснение, на основе естественного отбора, причин целесообразности в живой природе, Дарвин совершил подлинную революцию в биологии. Выступая на приеме работников Высшей школы, товарищ И. В. Сталин говорил: «Наука знает в своем развитии не мало мужественных людей, которые умели ломать старое и создавать новое, несмотря ни на какие препятствия, вопреки всему. Такие мужики науки, как Галилей, Дарвин и многие другие общеизвестны»¹. За передовые идеи, прокладывающие новые пути в науке, высоко ценили Дарвина классики марксизма-ленинизма. Вместе с этим они указывали на серьезные ошибки, которые содержала его теория.

Еще при жизни Дарвина реакционная наука объявила поход против его учения. С обострением классовой борьбы нарастала и реакция против дарвинизма, доходившая до требований его прямого запрещения. Когда такая лобовая атака не привела ни к чему и дарвинизм продолжал развиваться в трудах передовых ученых, реакция сменила методы борьбы с теорией развития. Вместо открытого запрещения дарвинизма она занялась его опозланием и искажением и в форме неодарвинизма попыталась заменить собою подлинный дарвинизм.

Из учения Дарвина было выброшено все прогрессивное, материалистическое, что вооружало передовую науку. Наоборот, ошибочные положения, содержащиеся в его теории, как то: привлечение реакционной схемы Мальтуса для объяснения эволюционного процесса, переоценка роли отбора в процессе видообразования при недооценке прямого влияния условий жизни, неопределенная изменчивость и др. в гипертрофированном виде пропагандировались неодарвинистами (вейсманистами) и выдавались за подлинное учение Дарвина.

Разгром неодарвинизма (вейсманизм-менделлизм-морганизм) в нашей стране сыграл решающую роль в развитии науки. Это спасло и учение Дарвина от его дальнейшего опозлания и извращения неодарвинистами-вейсманистами. Освобожденное от ряда ошибок и преобразованное в советский творческий дарвинизм учение Дарвина стало достоянием народа. Из науки, объясняющей историю органического мира, дарвинизм, на новом своем этапе стал действенной теорией управления живой природой, наукой о преобразовании природы в интересах народа.

Мичуринская биология, основанная на учении марксизма-ленинизма, в своей борьбе за передовую науку защищала учение Дарвина от вейсманизма, антидарвинизма, развивала его дальше, освобождая от ошибок. Своим учением о наследственности и ее изменчивости, завершившим утверждение закона наследования приобретенных признаков, мичуринская биология навсегда покончила с так называемой неопределенной, неопри-

¹ Речь тов. Сталина на приеме в Кремле работников Высшей школы 17 мая 1938 года, Госполитиздат, 1938, стр. 4.

чиненной, случайной изменчивостью, не адекватной воздействующим условиям жизни.

Крупнейшим достижением материалистической науки явилось обоснование несостоятельности положения Дарвина о внутривидовой борьбе и этим самым освобождение его теории от мальтузианских ошибок. Это неизбежно привело к необходимости пересмотра вопроса о видообразовании. В трудах классиков марксизма-ленинизма неоднократно указывалось на ограниченность дарвиновского понимания процесса развития живой природы, основанного только на признании эволюционных, количественных преобразований и отвергающего диалектически понятое развитие.

Все сказанное не только не ослабило прогрессивного значения учения Дарвина, но подняло его на новую ступень теории управления живой природой и одновременно сделало еще более действенным оружием в борьбе передовой науки с метафизикой и идеализмом.

К сожалению, некоторые товарищи не согласны с этим. Они считают, что та работа, которая была проделана мичуринской наукой по освобождению дарвинизма от его ошибочных сторон, сама является ошибкой. По их мнению, это явилось не творческим развитием дарвинизма, а его ревизией, якобы приведшей не к укреплению дарвинизма, а к его ослаблению, не к подъему его на новую, высшую ступень, а к дискредитации. Поэтому эти товарищи поставили задачу отбросить достижения мичуринской науки, восстановить ошибочные положения в теории Дарвина, восстановить вейсманизм. Примером этому могут служить появившиеся в Ботаническом журнале статьи: Н. В. Турбина «Дарвинизм и новое учение о виде» и Н. Д. Иванова «О новом учении Т. Д. Лысенко о виде»².

Разбор статей Н. В. Турбина и Н. Д. Иванова правильнее начать с анализа их методологических позиций. Это прольет свет и на подход авторов к решению биологических вопросов, и в первую очередь проблем видообразования.

Прежде всего нужно подчеркнуть одно принципиально важное обстоятельство. Оба названных автора в своей попытке «раскритиковать» выдвинутое и обоснованное акад. Т. Д. Лысенко новое представление о процессе видообразования допускают крупные методологические ошибки в объяснении процесса исторического развития живой природы, отступая от принципов марксистско-ленинской теории развития.

Правда, это отступление авторов от принципов марксизма, одинаковое по своему существу, отличается по своим приемам. Н. Д. Иванов идет напролом. Как увидим ниже, он цитирует целый ряд высказываний классиков марксизма-ленинизма, главным образом труды товарища И. В. Сталина, и дает им свою трактовку, отступая от сталинских положений и заменяя их своими сомнительными комментариями. Таким путем он пытается укрепить свои ошибочные представления по вопросам биологии, замазать реакционную сущность проповедуемых им взглядов.

Н. В. Турбин более осторожен. Он старается не касаться взглядов классиков марксизма-ленинизма по этим вопросам. Разве случайно им забыта оценка эволюционной концепции Дарвина, данная товарищем И. В. Сталиным в его классическом произведении «Анархизм или социализм?», а также высказывания В. И. Ленина и И. В. Сталина по вопросам теории развития? Конечно, все это сделано не случайно и дает основание предполагать желание автора ввести читателя в заблуждение. Проф. Н. В. Турбин забыл лишь о том, что советский читатель настолько вырос, что разберется в подобных приемах и даст им должную оценку.

² Ботанический журнал, том XXXVII, № 6, стр. 798—818 и 819—842. При дальнейшем цитировании авторов названных статей мы будем указывать только страницы журнала, без названия статей.

Критикуя «Новое учение о видообразовании», как извращенно называет Н. Д. Иванов работу акад. Т. Д. Лысенко, на чем мы остановимся ниже, и обвинив последнего в «катастрофизме», вейсманизме-морганизме, даже теологии и телеологии, автор переходит к философскому «обоснованию» несостоятельности взглядов Т. Д. Лысенко. Он начинает с большой цитаты из классического произведения товарища И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Коротко «разъяснив» основное содержание приведенной цитаты, Н. Д. Иванов сразу же переходит к цитированию Т. Д. Лысенко, с тем чтобы в дальнейших своих комментариях, исказив содержание высказываний товарища И. В. Сталина и высказываний акад. Т. Д. Лысенко, противопоставить их одно другому.

Н. Д. Иванов пишет: «Справедливо отмечая, что в процессе развития переход количественных изменений в качественные изменения неизбежен, Т. Д. Лысенко в то же время неправильно исходит из того, что форма перехода от одного качества к другому должна быть непременно скачкообразной, быстрой и ни в коем случае не эволюционной» (стр. 827. Подчеркнуто нами.— Н. Н.).

Так начинается перекраска марксистского понимания развития, как процесса, который с обязательностью включает и эволюцию и революцию, под плоский эволюционизм. Трудно допустить, что Н. Д. Иванов по невежеству путает понятия «эволюция» с темпом протекания развития: медленно — эволюция, быстро — революция, скачок. До сих пор всегда и всеми под термином «эволюция» понимается лишь количественное нарастание существующего качества, а не переход от одного качественного состояния в другое, как бы длительно этот процесс ни совершался.

Н. Д. Иванов может сослаться на то, что он применяет термин «эволюционный» в том смысле, как это сложилось в современной биологической науке, где «эволюция» и развитие часто рассматриваются как синонимы. Однако и из текста самой цитаты, и особенно из всего последующего изложения, явствует, что автор понимает эволюцию не как синоним развития, а как одну из самостоятельных форм развития, отличную от той единственно правильной формы, которую отстаивали классики марксизма. В. И. Ленин со всей отчетливостью показал нам это различие. «В наше время,— пишет В. И. Ленин,— идея развития, эволюции, вошла почти всецело в общественное сознание, но иными путями, не через философию Гегеля. Однако эта идея в той формулировке, которую дали Маркс и Энгельс, опираясь на Гегеля, гораздо более всесторонняя, гораздо богаче содержанием, чем ходячая идея эволюции»³.

Вот за эту-то «ходячую идею эволюции» и борется Н. Д. Иванов, ее он взялся защищать в нашей науке вопреки совершенно отчетливой отрицательной ее оценке классиками марксизма. Согласие с этой концепцией развития В. И. Ленин характеризовал как «...поверхностное, непродуманное, случайное, филистерское «согласие»... того рода «согласие», которым душат и опошляют истину». Н. Д. Иванов выступает против новой трактовки процесса видообразования, данной акад. Т. Д. Лысенко, потому, что эта трактовка не укладывается в рамки этой «ходячей идеи эволюции».

Для доказательства несоответствия взглядов акад. Т. Д. Лысенко учению Дарвина и теории марксизма-ленинизма Н. Д. Иванов приводит цитаты из доклада Т. Д. Лысенко «О положении в биологической науке». Бросаются в глаза два обстоятельства.

Во-первых, автор упорно умалчивает, что доклад, из которого приводятся цитаты, одобрен Центральным Комитетом нашей партии. Он, видимо, решил, что лучше умолчать об этом, авось, и читатели забыли.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 38, изд. 4-е.

Во-вторых, само цитирование носит довольно своеобразный характер. Многоточия, заменяющие соответствующий текст в цитате, как правило, стоят там, где текст не устраивает Иванова. Ему во что бы то ни стало нужно показать, что Т. Д. Лысенко всецело «погряз» в путях «взрывных теорий». Поэтому и применяется фокус с цитированием. Иванов пишет: «Т. Д. Лысенко говорит: „Наступила и назрела необходимость пересмотреть вопрос видообразования под углом зрения резкого перехода количественного нарастания в качественные видовые отличия“». После этого следует очень важный абзац, который заменяется Ивановым многоточием. Абзац этот следующий: «Надо понять, что образование вида есть переход от количественных изменений к качественным в историческом процессе. Такой скачок готовится собственной жизнедеятельностью органических форм, в результате количественного накопления восприятия воздействия определенных условий жизни, а это вполне доступно для изучения и управления».

Каждому непредубежденному читателю ясно, какое большое значение имеет выпущенный абзац. В нем указывается на переход количественных изменений к качественным не путем «взрывов», причинно обусловленных катастроф, а в историческом процессе и в результате «количественного накопления восприятий определенных условий жизни». Приведи Н. Д. Иванов полностью процитированное нами место, — он не смог бы упрекнуть Т. Д. Лысенко в отстаивании катастрофизма или в родстве его взглядов с мутационизмом органистов. Тогда нельзя было бы написать следующее утверждение: «Вряд ли есть смысл рассматривать эту сторону теории Т. Д. Лысенко, по которой „маленькие“ катастрофы приводят к образованию новых видов и к смерти старых, — теория катастроф в целом достаточно хорошо разобрана и с полным обоснованием давно отвергнута. Посмотрим, не является ли такая трактовка вопроса родственной теории мутаций дейсманистов-органистов, которую в свое время так справедливо разгромил и отверг Т. Д. Лысенко» (стр. 823).

Желанием «доказать», что Т. Д. Лысенко стоит на позициях катастрофизма или мутационизма продиктовано и то, почему Н. Д. Иванов не цитирует работ «Новое в науке о биологическом виде» или «Вид», вышедших после опубликования классического труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». В указанных работах Т. Д. Лысенко пишет: «Изменение условий внешней среды, существенное для видовой специфики данных организмов, раньше или позже вынуждает изменяться и видовую специфику — одни виды порождают другие. Под воздействием изменившихся условий, ставших неблагоприятными для природы (наследственности) организмов произрастающих здесь видов растений, в теле организмов этих видов зарождаются, формируются зачатки тела других видов, более соответствующих изменившимся условиям внешней среды. Такую разнокачественность тела одного и того же растительного организма, характеризующую разные виды, в некоторых случаях можно наблюдать и невооруженным глазом» (БСЭ, т. 8, стр. 18).

Следовательно, опять подчеркивается, что речь идет не о взрывах, не о катастрофах, причинно не обусловленных, а о постепенном, эволюционном процессе количественного накопления в течение ряда поколений качественных изменений, в результате воздействия измененных условий жизни, что в конце концов и приводит к появлению нового вида. В условиях конкретного эксперимента было достаточно двух-четырех поколений такого воздействия; в природе, вне эксперимента, можно говорить о ряде поколений, так как число их будет в разных случаях различно.

Вступает ли подобная трактовка процесса видообразования в противоречие с теорией диалектического материализма? Нам думается, что ответ на этот вопрос совершенно ясен. Однако эта трактовка не устраивает Иванова и Турбина, так как находится в противоречии с их взглядами на развитие, отступающими, как мы уже отмечали, от диалектического его

понимания. Никакие мудрствования Н. Д. Иванова о скачке как «переходе от одного качества к другому» и скачке как «форме перехода от одного качества к другому» не спасают положения.

Н. Д. Иванов утверждает, что «Ленин и Сталин, рассматривая формы перехода от одного качества к другому, указывали на то, что ни идея эволюции, ни идея революции, каждая отдельно взятая, не может заменить гораздо более глубокой по содержанию формулировки развития, данной Марксом и Энгельсом. В то же время эволюцию и революцию как частные формы развития, перехода от одного качества к другому ни Ленин, ни Сталин никогда не отрицали» (стр. 828). Достаточно вчитаться в приведенную формулировку, как легко заметить всю её ошибочность. В. И. Ленин и И. В. Сталин указывали, что идеи эволюции и революции, оторванные одна от другой, отдельно вырванные из марксистского понимания развития, являются бессодержательными, пустыми, не позволяющими понять истинного развития. Иванов же утверждает, что в качестве частных форм развития классики марксизма-ленинизма допускали возможность эволюционной и революционной форм развития отдельно, вне их взаимной связи. Причем, в качестве примера «частной формы» у Иванова речь идет о развитии органического мира. При этом получается, что развитие имеет три самостоятельные формы: 1) революционную, т. е. путем причинно не обусловленных, исторически не подготовленных предшествующим развитием катастроф; 2) эволюционную, т. е. путем роста, путем накопления количественных изменений без обязательного перехода их в новое качественное состояние; 3) диалектическую, при которой эволюция и революция, количественные и качественные изменения являются необходимыми формами единого процесса развития.

Все это делается вопреки совершенно ясным высказываниям В. И. Ленина и И. В. Сталина по вопросам теории развития. Было бы плохо, если бы Н. Д. Иванов не знал этих высказываний. Но куда хуже, что он осылается на них и искажает их в своих комментариях.

Товарищ И. В. Сталин в своем классическом труде «Анархизм или социализм?» пишет: «Ясно, что между катаклизмами Кювье и диалектическим методом Маркса нет ничего общего.

С другой стороны, дарвинизм отвергает не только катаклизмы Кювье, но также и диалектически понятое развитие, включающее революцию, тогда как с точки зрения диалектического метода эволюция и революция, количественное и качественное изменения, — это две необходимые формы одного и того же движения»⁴. На это же указывал и В. И. Ленин: «А действительная жизнь, действительная история *включает* в себя эти различные тенденции, подобно тому, как жизнь и развитие в природе *включает* в себя и медленную эволюцию и быстрые скачки, перерывы постепенности»⁵.

Товарищ И. В. Сталин учит нас, что эволюция и революция — это две необходимые, взаимосвязанные, а не частные формы развития. «Движение эволюционно, когда прогрессивные элементы стихийно продолжают свою повседневную работу и вносят в старые порядки мелкие, количественные, изменения.

Движение революционно, когда те же элементы объединяются, проникаются единой идеей и устремляются против вражеского лагеря, чтобы в корне уничтожить старые порядки и внести в жизнь **качественные** изменения, установить новые порядки.

Эволюция prepares революцию и создает для нее почву, а революция завершает эволюцию и содействует её дальнейшей работе.

Такие же процессы имеют место и в жизни природы»⁶.

⁴ И. В. Сталин, Соч., т. 1, стр. 309.

⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 319.

⁶ И. В. Сталин, Соч., т. 1, стр. 301.

Н. Д. Иванов и Н. В. Турбин считают, что каждая из названных форм движения может выступать как самостоятельная, не в связи одна с другой, и тем не менее приводить к качественным изменениям. Недаром один из авторов (Иванов) объявляет эволюционную концепцию приемлемой «частной формой развития», а другой (Турбин) — «одной из разнообразных форм развития», подчеркивая, что «...действительный ход истории органических форм более правильно отражает эволюционная теория видообразования» (стр. 806). И это после того, как И. В. Сталиным было указано в качестве ошибки дарвинизма, что последний отвергает диалектически понятое развитие! Разве это не искажение?

Далее товарищ И. В. Сталин указывает: «Очевидно нельзя утверждать и того, что «марксизм... некритически относится к дарвинизму»⁷, а Н. Д. Турбин пишет: «...взгляд дарвинизма на развитие живой природы, на видообразование, как на процесс, совершающийся без взрывов, путем постепенного накопления в ряду поколений элементов нового видового качества, не находится в противоречии с диалектическим материализмом, а, напротив, выражает собой одну из разнообразных форм развития, о которых говорит диалектический материализм» (стр. 817).

Все это свидетельствует о том, что критики взглядов акад. Т. Д. Лысенко отступают от марксистско-ленинской теории развития; занимаются апологетикой дарвинизма, видя в нем только положительное и отбрасывая всю ту критику, которая была высказана классиками марксизма-ленинизма; игнорируют достижения советской биологической науки, подтвердившей ограниченность и неверность ряда положений теории Дарвина.

В связи со сказанным непонятна позиция редакции «Ботанического журнала». Как бы ни подходили члены редакции к биологической стороне вопроса о видообразовании, их долгом является защита философии марксизма от любых попыток ее искажения.

НОВАЯ ПОПЫТКА ВОЗРОЖДЕНИЯ МАЛЬТУЗИАНСТВА

Безапелляционная апологетика всего написанного Дарвином неизбежно привела Н. В. Турбина и Н. Д. Иванова к отстаиванию (пассивному или активному) тех ошибочных сторон дарвинизма, которые были отвергнуты передовой мичуринской биологией. В докладе на сессии ВАСХНИЛ 1948 г. акад. Т. Д. Лысенко указывал: «...мичуринское направление отнюдь нельзя назвать ни неоламаркистским, ни неodarвинистским. Оно является творческим советским дарвинизмом, отвергающим ошибки того и другого и свободным от ошибок теории Дарвина в части, касающейся принятой Дарвином ошибочной схемы Мальтуса»⁸.

Трудно дать более ясную и более четкую характеристику мичуринского учения. Определяя мичуринское учение как советский творческий дарвинизм, в докладе одновременно подчеркивается, что оно свободно не вообще от ошибок теории Дарвина, а от мальтузианских ошибок, нашедших себе место в названной теории. Тем самым перед мичуринской биологией ставятся две задачи: творчески развивать дальше материалистическое ядро учения Дарвина, одновременно освобождая дарвинизм от имеющихся в нем ошибочных положений.

Н. В. Турбин и Н. Д. Иванов оказались не только не в состоянии воспринять эти задачи и критически подойти к учению Дарвина, но наоборот, — пытаются тащить мичуринскую биологию назад, в объятия реакционного неodarвинизма.

Как можно иначе понимать утверждения Н. В. Турбина, что «взгляд дарвинизма на развитие живой природы, на видообразование» якобы не

⁷ И. В. Сталин. Соч., т. 1, стр. 309.

⁸ Стенографический отчет, стр. 14.

противоречит диалектическому материализму, как не попытку оправдать не только дарвинизм, но и неodarвинизм? Н. В. Турбин отлично знает, что учение Дарвина включает как обязательное условие объяснения процесса видообразования принцип дивергенции, вытекающий из мальтузианской схемы перенаселенности и внутривидовой борьбы. Он обходит вопросы внутривидовой борьбы и конкуренции и отделяется общими фразами о видообразовании в надежде на недогадливость читателя.

Н. Д. Иванов поступает иначе. Он открыто защищает мальтузианскую схему перенаселенности. Ему понятно, что без внутривидовой борьбы нельзя понять дивергенции, а без дивергенции, при постепенности, нельзя объяснить наличия качественных звеньев в живой природе. Поэтому, защищая свою «частную форму развития» — эволюционизм, Н. Д. Иванов одновременно защищает и внутривидовую борьбу. Он идет с открытым забралом и берет на себя роль восстановителя в советской науке разгромленного мальтузианства. В своей защите он не гнушается никакими приемами и под видом критики морганистов утверждает, что «...враги дарвинизма отрицали и отрицают основные его положения, в том числе влияние перенаселенности, внутривидовую борьбу и естественный отбор, как главнейший движущий фактор эволюции» (стр. 837).

В число врагов дарвинизма попадают не Морган и морганисты, взгляды которых неверно изложил автор, а в первую очередь советские биологи, занявшие правильные позиции в этом вопросе. Больше того, автор не посчитался и с тем, что в докладе Т. Д. Лысенко «О положении в биологической науке» отмечалось как достижение советского творческого дарвинизма освобождение его от мальтузианских ошибок Дарвина (см. цитату на стр. 8 настоящей работы). Иванов не считается с этим и в противовес утверждению о том, что мичуринская наука свободна «...от ошибок теории Дарвина в части, касающейся принятой Дарвином ошибочной теории Мальтуса», пишет: «Мы не можем согласиться с обвинением дарвинизма в мальтузианстве» (стр. 837), объявляет всех не согласных с этим врагами дарвинизма, объединяет их в одну компанию с вейсманистами, не замечая того, что именно он, Иванов, по уши увяз в морганизме и вместе с Морганом борется не за дарвинизм, а против дарвинизма.

Мы не будем в настоящей статье заниматься разбором вопроса о несостоятельности утверждений о наличии в природе перенаселенности, так сказать, лишних, не нужных для процветания вида особей, а также учения о внутривидовой борьбе. В нашей литературе приведено достаточно данных, показывающих несостоятельность и реакционность этих утверждений. Да и сам вопрос решен окончательно и бесповоротно для советской биологии. Поэтому попытка Иванова возродить мальтузианство может служить лишь еще одной иллюстрацией живучести чуждой идеологии и необходимости борьбы с неodarвинизмом, его систематического разоблачения.

Гораздо важнее остановиться на тех методах, к которым прибегает Иванов в своей борьбе против передовой материалистической науки. А эти методы достойны самого сурового осуждения.

Н. Д. Иванов, учитывая, как остро реагирует советская общественность на вейсманизм-морганизм, нашел самым удобным воспользоваться этим оружием против Т. Д. Лысенко. Для этого понадобилось немного. Взять две-три цитаты из работ Моргана и попытаться связать имя Т. Д. Лысенко с морганистами. Он так и сделал: «В изложении своего нового учения о происхождении видов, — пишет Иванов, — Т. Д. Лысенко ни словом не обмолвился в адрес реакционных вейсмалистов-морганистов, зато Дарвину и Тимирязеву «попало» от него достаточно. Почему так получилось? Это получилось потому, что Т. Д. Лысенко в этом вопросе нечего по существу возразить вейсмалистам-морганистам. Последние отрицают влияние перенаселенности — Т. Д. Лысенко отрицает; они

отрицают внутривидовую борьбу — и Т. Д. Лысенко отрицает; они отрицают естественный отбор — и у Т. Д. Лысенко не оказывается ему места» (стр. 837).

Подобные сопоставления, в подкрепление которых приведены цитаты из самого Моргана, если и не убедят читателя, не знакомого с истинным положением, то все же бросят известную тень сомнения. А Ивановым это и нужно. Уже на протяжении почти двух десятилетий они пытаются дискредитировать Т. Д. Лысенко. Если раньше вейсманисты усиленно стремились «посоорить» Т. Д. Лысенко то с Дарвином, то с Мичуриным, беря последних себе в союзники, то сегодняшние вейсманисты делают то же самое, только в союзники Т. Д. Лысенко они подсовывают «битых» Вейсмана и Моргана. Разве это не комедия?

Но уже не комедией, а пошлым и к тому же вредным фарсом являются утверждения Иванова о том, что вейсманисты-морганисты являются будто бы **п р о т и в н и к а м** и перенаселенности и внутривидовой борьбы. Кому не ясно, что на перенаселенности и внутривидовой борьбе держится неомальтузианство, расизм, которые в свою очередь опираются на теоретические основы неодарвинизма. Из учения Дарвина неодарвинисты, а следовательно, и морганисты взяли в свой арсенал: учение о перенаселенности, внутривидовую борьбу и неопределенную изменчивость, выбросив все положительное за борт. Какую цель своими утверждениями преследовал Н. Д. Иванов, — дезориентировать ли советского читателя или посмешить морганистов — для нас несущественно, так как конечный результат одинаково вреден.

Не кто иной как основоположник неодарвинизма Вейсман широко пропагандировал идею внутривидовой борьбы, считая необходимым перенести этот принцип не только на особей, но и на клетки организма и даже на те единицы, которые, как утверждает Вейсман, «...мы познаем только мысленно, потому что для микроскопа они слишком малы». Вейсман рассматривал это как центральную часть своих воззрений, готов был пожертвовать многими из своих спекуляций, лишь бы внедрить в науку «теорию зачаткового отбора». Недаром он писал: «В этом перенесении принципа отбора на все ступени жизненных единиц и заключается центр тяжести моих воззрений. Этой мыслью и проникнуты предлагаемые лекции и ею обуславливается, по моему мнению, главное значение этой книги. Эта мысль должна остаться, если даже все остальное окажется проходящим»⁹.

Неужели морганисты, так свято хранящие идеи Вейсмана, отошли от него в этом вопросе? Если верить Иванову — это так, а действительность говорит о другом. В наши дни один из ведущих представителей морганизма Добржанский, следуя заветам Вейсмана, утверждает, что гены обладают способностью непрерывно мутировать в процессе онтогенеза, что внутри клетки якобы постоянно существует суровый отбор мутантных генов, который и определяет, какие из них выживут и проявятся¹⁰. Разве это не слепок с вейсмановского «зародышевого отбора»? А ведь Добржанский является одной из основных фигур среди морганистов, разрабатывающих проблемы эволюции. Его книга «Генетика и происхождение видов» в 1951 г. вышла третьим изданием и, по характеристике рецензента Science, «Эта книга стала для 20-го столетия тем же, чем для 19-го был труд Дарвина «Происхождение видов»¹¹.

Мне не удалось познакомиться с этим изданием, но в вышедшем в 1941 г. втором издании названный автор писал: «Слабо намеченный в классической древности принцип естественного отбора был поднят Дарвином до уровня научной теории. С изумительным искусством Дарвин по-

⁹ А. Вейсман. Лекции по эволюционной теории, стр. IX.

¹⁰ Изложено по J. Segal, «Mitschourine, Lyssenko et le probleme de l'heredité». Paris, 1951.

¹¹ Science, vol. 115, N. 2990, 1952.

казал естественный отбор как прямое следствие исключительно большой репродуктивной способности живых существ... Даже слабо размножающиеся формы производят больше потомков, чем может выжить, если популяция численно остается постоянной. Смерть и истребление большинства произведенных индивидов несомненно имеет место. Если популяция состоит из смеси наследственных типов, одни из которых более, другие менее приспособлены к окружающим условиям, ожидается, что большая часть первых по сравнению с последними выживет»¹².

Наконец, напомним, что в 1947 г. на страницах «Литературной газеты» развернулась дискуссия по вопросу о внутривидовой борьбе. Как же размежевались силы в этой борьбе? Разве мичуринцы вместе с неodarвинистами вели борьбу против «подлинных» дарвинистов типа Иванова? Нет, мичуринцы вели борьбу с вейсманистами, которые отстаивали тот самый тезис, какой сейчас отстаивает Иванов. По их мнению, «Внутривидовая борьба — краеугольный камень дарвинизма. Без нее становится фикцией естественный отбор — основной фактор эволюции животных и растений»¹³. Цитированные строки взяты из статьи, подписанной биологами Московского университета, в том числе и акад. И. И. Шмальгаузен, на которого пытается теперь опереться Иванов.

Нельзя не сравнить все только что цитированное нами из работ морганистов с утверждениями Н. Д. Иванова. Последний пишет: «Естественно, что, отрицая влияние перенаселенности и внутривидовой борьбы, нельзя не отрицать и значение в эволюции естественного отбора, вытекающего в первую очередь из этих двух факторов» (стр. 836). Как видно, Н. Д. Иванов ошибся адресом, причислив Т. Д. Лысенко к морганистам. С морганистами вместе не Т. Д. Лысенко, а Н. Д. Иванов!

Кстати сказать, единомышленник Н. Д. Иванова по критике взглядов Т. Д. Лысенко — проф. Н. В. Турбин в те дни писал по этому вопросу следующее: «Взвесив все доводы и факты, приведенные акад. Т. Д. Лысенко, я **вынужден признать его критику учения о внутривидовой конкуренции правильной**». И далее: «Одной из самых актуальных задач советской биологии является беспощадная борьба с различного рода проявлениями реакционного мальтузианства. Известно, что современная буржуазная наука всячески поддерживает и раздувает мальтузианские воззрения как в области социологии, так и в области биологии. Этим самым она выполняет социальный заказ своего хозяина — империалистической буржуазии, поджигателей новой мировой войны, объявляющих войну естественным состоянием и законом природы. Профессора Московского университета должны знать об этих задачах, стоящих перед советскими учеными»¹⁴.

Вот именно, об этом не должны забывать Иванов и другие, а в первую очередь редакция «Ботанического журнала». Пора прекратить устную и письменную пропаганду реакционного мальтузианства.

А как же быть с цитатами из Морган и Шмальгаузена, ведь не придумал же их Н. Д. Иванов? Нет, Иванов их не придумал, они существуют. Иванов придумал им только свое истолкование, и к тому же неудачно. Последнее мы уже показали на примере с И. И. Шмальгаузен. То же можно показать и на примере с Морганом и даже на тех же цитатах, которые приводит Иванов. Последний завершил цитирование Морган цитатой: «Отсюда следует, что естественный отбор не играет созидющей роли в эволюции». И этим сказано главное. Все написанное Морганом, откуда повырывал цитаты Иванов, направлено к одной единственной цели — доказать, что естественный отбор не дает ничего нового, не является творческим фактором в эволюции. Он только *сито*, сортирую-

¹² Th. Dobzhansky. Genetics and the origin of species. Columbia University press, 1941, p. 186.

¹³ «Литературная газета», № 59/2374/, 29 ноября 1947 г.

¹⁴ «Литературная газета», № 62 /2377/, 10 декабря 1947 г.

щие генные мутации. С этих позиций Морган и все морганисты ведут борьбу с теорией естественного отбора Дарвина в ее подлинно научном понимании. Да и звучит иначе написанное Морганом, кусочек из работы которого процитировал Иванов. Морган, говоря об естественном отборе, пишет: «Что эта теория действительно объясняет — это отсутствие многих видов живых существ, которые не могли выжить частью потому, что не могли противостоять условиям органического мира, частью потому, что не нашли среды, соответствующей их нуждам, частью потому, что были уничтожены другими животными и растениями, и частью потому, что не выдержали конкуренции с исходными типами. Таким образом, естественный отбор может быть применен для объяснения отсутствия огромного ряда появившихся форм, но это означает только то, что большинство из этих форм не были ценными в смысле выживания. Отсюда следует, что естественный отбор не играет созидающей роли в эволюции»¹⁵.

Почему Н. Д. Иванов не привел всего этого — совершенно ясно. Неясным остается лишь, почему он недоволен Морганом. Ведь и последний понимает отбор только в плане уничтожения, отсеивания негодного. Недаром для него вне перенаселенности и внутривидовой борьбы нет естественного отбора, который, по его собственному заявлению, вытекает «...в первую очередь из этих двух факторов». По Иванову это означает «стоять на материалистических позициях». И вновь, как мы видим, он выступает в едином лагере с морганистами против мичуринской биологии.

Мичуринская биологическая наука, и в первую очередь акад. Т. Д. Лысенко, постоянно отстаивали и отстаивают учение об естественном отборе в его подлинно научном понимании. Клеветой является утверждение Иванова, что у Т. Д. Лысенко естественному отбору «не оказывается места». Места нет, но только неодарвинистскому, морганистскому отбору. Уже в цитированном выше докладе на сессии ВАСХНИЛ акад. Т. Д. Лысенко, характеризуя учение Дарвина, указывал: «Ведущей идеей дарвиновской теории является учение об естественном и искусственном отборе... Его идея отбора научно верна»¹⁶. И от этих положений мичуринская наука не отходит.

Таким образом, Н. Д. Иванов, взяв на себя печальную роль протаскивателя мальтузианства в советскую биологию, неизбежно должен был объединиться в едином лагере с морганистами. С чем его и поздравляем! Что же касается его попыток представить мальтузианство передовой материалистической теорией или объявить акад. Т. Д. Лысенко морганистом, то, кроме возмущения, ничего иного это не могло вызвать у советского читателя.

«КРИТИКА» ПРЕДСТАВЛЕНИЙ АКАД. Т. Д. ЛЫСЕНКО О ПРОЦЕССЕ ВИДООБРАЗОВАНИЯ

Мы уже познакомились с тем, как Н. Д. Иванов превращал акад. Т. Д. Лысенко в морганиста и идеалиста-теолога. Нам остается теперь ознакомиться с тем, как Н. В. Турбин и Н. Д. Иванов объявляют Т. Д. Лысенко антидарвинистом и антимиучурином.

Н. В. Турбин начинает с претензии, что «новое учение», как он его называет, было «без критического обсуждения и борьбы мнений» введено в программы и учебные пособия. Поэтому преподаватели ВУЗа, читающие дарвинизм, больше занимаются критикой дарвинизма, чем его положительным изложением или даже критикой антидарвинизма.

¹⁵ Т. Г. Морган. Экспериментальные основы эволюции, стр. 106, Биомедгиз, 1935.

¹⁶ Стенографический отчет, стр. 7.

Кому предъявляет Н. В. Турбин свои претензии? На протяжении многих лет он является членом Экспертной комиссии по биологии, принимал участие в утверждении программ по дарвинизму, где мне не приходилось слышать с его стороны возражений. Больше того, новая программа по дарвинизму для университетов, только что вышедшая под редакцией Н. В. Турбина, содержит критику внутривидовой борьбы, учения о неопределенной изменчивости, а также положительное освещение взглядов Т. Д. Лысенко на видообразование. Наконец, в учебнике «Генетика с основами селекции», автором которого является Н. В. Турбин, излагаются опыты В. К. Карапетяна по превращению твердой пшеницы в мягкую, без критических замечаний и объяснений их гибридизацией. Н. В. Турбин тогда писал: «Таким образом, данными опыта доказана возможность превращения одного вида пшеницы в другой вид»¹⁷.

То, что Н. В. Турбин сейчас перестроился,— это частное дело его научной совести, но предъявлять к кому-то претензии в монополизации науки, неправильности программ и учебников — это по меньшей мере нескромно, поскольку, если Н. В. Турбин прав в своем утверждении, он же и является одним из виновников этого. И от него желательно было бы узнать, почему он это делал.

Н. Д. Иванов и Н. В. Турбин свою критику взглядов Т. Д. Лысенко о путях видообразования начинают с противопоставления их учению Дарвина. Так, Н. В. Турбин пишет: «Действительно ли прав акад. Т. Д. Лысенко и сторонники нового учения о виде, когда они утверждают, что эволюционная теория Дарвина в своей основе является метафизической, отрицающей качественные изменения в развитии живой природы? Действительно ли они правы, когда утверждают, что только новое учение о виде дает единственно правильное, диалектико-материалистическое решение проблемы видообразования?» (стр. 800). И далее: «Следовательно, оснований для замены эволюционной теории Дарвина, теории естественного отбора новой теорией видообразования, выдвинутой академиком Т. Д. Лысенко, нет» (стр. 818). Н. В. Турбину вторит Н. Д. Иванов: «Постепенную, эволюционную форму перехода от одного качества к другому он (т. е. Т. Д. Лысенко.— Н. Н.) отрицает, не считает ее возможной, а поэтому он отрицает и эволюционное учение Дарвина» (стр. 827).

Иначе как клеветническим мы не можем назвать заявление, что Т. Д. Лысенко «отрицает эволюционное учение Дарвина». Мы вправе спросить у Н. В. Турбина, откуда он взял, что Т. Д. Лысенко объявляет учение Дарвина метафизическим и претендует на его замену новым учением о видообразовании? Да само то «новое учение о видообразовании» выдумали Н. В. Турбин с Н. Д. Ивановым. Т. Д. Лысенко назвал свою работу «Новое в науке о биологическом виде», тем самым подчеркнув, что речь идет не о новом учении о видообразовании, а о новом в науке, в теории видообразования, и тем более не об учении Дарвина.

На протяжении всей своей деятельности Т. Д. Лысенко защищал учение Дарвина от наскоков антидарвинистов, являлись ли они отпетыми противниками этого учения или именовались «классическими дарвинистами», прикрывавшихся именем великого натуралиста и опошлявших его учение. Ничего не выйдет ни у доктора Н. В. Турбина, ни у докторанта Н. Д. Иванова из попытки связать имя Т. Д. Лысенко с антидарвинизмом! Советская общественность знает и ценит ту большую роль, которую сыграл Т. Д. Лысенко не только в защите, но и в дальнейшем развитии дарвинизма, в освобождении его от ряда ошибок. Для каждого ясно, что защищать то или иное учение — это значит развивать его, освобождать от ошибочных, устаревших положений. Только Н. Д. Иванов думает, что отстаивать дарвинизм — это защищать его ошибочные стороны, и каждо-

¹⁷ Н. В. Турбин. Генетика с основами селекции, стр. 285, Советская наука, 1950.

го несогласного с этим он объявляет антидарвинистом, идеалистом и теологом.

Свести учение Дарвина только к вопросу о конкретных путях видообразования, только к способу доказательств путей видообразования, значит ничего не понимать в дарвинизме. Как ни важны эти вопросы, они ни в какой мере не охватывают собою всего величия учения Дарвина. Если Н. В. Турбин и Н. Д. Иванов уверены в своей правоте, утверждая, что дарвинизм будто бы сводится к способу доказательства видообразования и несогласие с этим способом доказательства служит основанием для зачисления в антидарвинисты, тогда как же быть с высказыванием Ф. Энгельса, который, высоко оценивая учение Дарвина, все же писал: «В учении Дарвина я согласен с теорией развития, дарвиновский же способ доказательства (*struggle for life, natural selection* [борьба за существование, естественный отбор.]) считаю всего лишь первым временным, несовершенным выражением только что открытого факта»¹⁸. А ведь это куда определеннее и яснее написано.

Оба автора критикуют Т. Д. Лысенко за то, что последний якобы упрекает Дарвина в отрицании им качественных изменений в живой природе. Н. В. Турбин в качестве доказательства несостоятельности утверждений Т. Д. Лысенко ссылается на данные палеонтологии и сравнительной анатомии, «которые говорят о том, что первоначально на земле возникли простейшие формы живых организмов, а затем позднее из них развились формы, по своему строению все более и более сложные» (стр. 807). Поистине надо не уважать читателей Ботанического журнала, разъясняя им подобные элементарные истины.

Н. В. Турбин или не понял, о чем идет у акад. Т. Д. Лысенко речь, или скорее, сознательно путает читателя. Видеть, что в истории развития природы происходит качественная смена форм животных и растений и даже больше того, — усложнение их еще не значит видеть главное. И не в этом основная заслуга Дарвина. Ведь и Кювье видел эту смену. Кстати последнее и привело его к построению своей реакционной теории катастроф, которая была попыткой согласовать эти ставшие очевидными факты с библейскими сказками. «Кювье, — как пишет В. Гюго, — глядя одним глазом в книгу Бытия, а другим на природу, старался угодить реакционным ханжам, согласуя ископаемых с библейскими текстами и заставляя мастодонтов прославлять Моисея».

Следовательно, вопрос идет не о том, видеть или нет, признавать или нет смену форм в природе — эти факты налицо, их трудно отрицать, а о том, как объяснить возникновение этих фактов.

Разве Ламарк, создавший первую эволюционную теорию, не видел качественных различий в живой природе? А между тем для объяснения их он не ограничился только влиянием условий внешней среды и привлек телеологический фактор — внутреннее стремление к совершенствованию.

Дарвин в своем объяснении причин возникновения многообразия в живой природе ограничился только эволюционным принципом, дополнив его внутривидовой борьбой и дивергенцией. Через серию ступенек — разновидностей по Дарвину — идет образование нового вида. Т. Д. Лысенко же показывает, что это не путь возникновения новых видовых качеств, не путь появления новых видов — так не может идти развитие. И в этом суть вопроса, и путать этот ясный вопрос нет смысла.

Н. В. Турбин постарался отделаться от решения этого вопроса общими фразами и цитатами. И это понятно, так как автор решил не касаться проблемы дивергенции и внутривидовой борьбы. Стоя на позициях плоского эволюционизма, нельзя ответить на вопрос — как возникают новые виды, если отказаться от дарвиновского принципа дивергенции и

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI, стр. 405. Партиздат, 1935.

внутривидовой борьбы. Вот почему Н. В. Турбин и занялся анализом не основного вопроса, а второстепенных, хотя и очень важных самих по себе, как то: имеются ли в природе естественные грани между видами; абсолютны они или относительны; реален по Дарвину вид или нет? Не ответив на вопрос — как возникают виды, или дав неправильный ответ на этот основной вопрос, нельзя правильно ответить и на те вопросы, которые анализирует Н. В. Турбин.

На основной вопрос — как же идет процесс видообразования — отвечает Н. Д. Иванов. У него нет трудностей Турбина, поскольку, защищая внутривидовую борьбу и конкуренцию, он тем самым развязал себе руки.

Разбор, как и следовало ожидать, Н. Д. Иванов начинает с вопроса о разновидностях. Он пишет: «...Т. Д. Лысенко отрицает существование разновидностей, способных обособиться в отдельный самостоятельный вид («межвидовые» разновидности), утверждает, что их в природе не было и не может быть, но признает существование внутривидовых разновидностей... Но что такое «межвидовые» и «внутривидовые» разновидности? Какое различие между ними? К сожалению, Т. Д. Лысенко не рассматривает этих вопросов, — постараемся разобраться в них сами» (стр. 820—821).

Что-же, попробуем с помощью Иванова разобраться в этом вопросе.

Автор сожалеет, что Т. Д. Лысенко «не рассматривает этих вопросов». А какая необходимость в их рассмотрении, если, по заявлению самого автора, Т. Д. Лысенко считает, что в природе не было и не может быть «межвидовых» разновидностей? К тому же, как мог Т. Д. Лысенко обсуждать вопрос о «межвидовых» разновидностях, если этот «вклад» Иванова в биологию впервые им обнародован?

Что же заставило автора прибегнуть к столь невразумительному термину «межвидовые» разновидности? Ларчик открывается просто. Н. Д. Иванов решил избежать термина «промежуточная форма», что-то вроде «полувид», «недовид», т. е. «ни то, ни се», так как в природе подобных «ни то, ни се», т. е. полукачеств, не существует. Товарищ И. В. Сталин в ответе тов. Крашенинниковой писал: «Короче: язык нельзя причислить ни к разряду базисов, ни к разряду надстроек. Его нельзя также причислить к разряду «промежуточных» явлений между базисом и надстройкой, так как таких «промежуточных» явлений не существует»¹⁹. Поэтому-то Н. Д. Иванов и выдумал термин «межвидовая разновидность», навязав природе то, чего в ней реально не существует.

Далее автор переходит к следующим глубокомысленным рассуждениям: «Согласно учению Дарвина, разновидности «межвидовые» (почему в кавычках? — Н. Н.) и внутривидовые (а здесь почему-то без кавычек? — Н. Н.) не отделены друг от друга каменной стеной» (стр. 821). Правильно, «не отделены каменной стеной», потому что ни о каких «межвидовых» разновидностях Дарвин не писал. Поэтому-то Н. Д. Иванов и ставит их постоянно в кавычки, коль скоро это его собственное измышление. И далее: «Для дарвинизма разновидности внутривидовые и «межвидовые» — одни и те же разновидности (что правда, то правда! — Н. Н.), переходящие друг в друга в процессе развития. (А зачем переходить друг в друга, если это одни и те же разновидности? — Н. Н.). Те и другие — в исходной их основе одни и те же разновидности, они развиваются из одного и того же вида, но в общем ходе эволюции, в процессе дальнейшего развития видов их последующее значение бывает уже различно: крайние приобретают значение новых видов, становятся самостоятельными видами, те же, что остаются в составе того же исходного вида

¹⁹ И. В. Сталин. К некоторым вопросам языкознания. Ответ товарищу Крашенинниковой. Большевик, № 12, стр. 15, 1950.

(«внутривидовые» разновидности) или 1) продолжают существование в пределах исходного вида, или 2) вымирают. В этом последнем случае обособление крайних разновидностей становится более резким, и именно в этих случаях мы говорим о хорошо очерченных, вполне обособленных новых видах» (стр. 821, подчеркнуто нами.— Н. Н.).

Мы привели эту большую цитату потому, что она имеет принципиальное значение. В ней кроется и ответ на вопрос: признает ли учение Дарвина качественные изменения или нет, т. е. в последнем случае остается только на позициях признания количественных изменений. В ней же кроется и ответ на вопрос: считал ли Дарвин виды реальными?

Вернемся, однако, к цитате труда Н. Д. Иванова. Мы не будем разбирать всей премудрой философии о взаимопереходах внутривидовых и «межвидовых» разновидностей, поскольку это не ведет к появлению нового вида. Гораздо важнее — каким образом «межвидовые» разновидности становятся видом. О них автор вначале заявил: «...крайние приобретают значение новых видов, становятся самостоятельными видами». Однако это не ответ на вопрос; приобрести значение нового вида — это еще не значит стать новым видом.

Автор упрекает Т. Д. Лысенко в том, что для последнего «разновидность никогда не способна приобрести такие признаки, которые выходили бы за рамки признаков вида» (стр. 821). Подобной чепухи Т. Д. Лысенко никогда не утверждал. Это плод собственной фантазии незадачливого критика Иванова. Различия между цветной капустой и кольраби, таксой и русской гончей, почтовым голубем и дутышем или турманом по своим признакам выходят далеко за пределы видовых, а иногда и родовых различий. И тем не менее кольраби и цветная капуста составляют лишь разновидности одного вида, так же как гончая и такса. Поэтому-то Т. Д. Лысенко и указывает, что как бы резко не уклонялась разновидность, она от этого не становится новым видом. Этот взгляд полностью соответствует взглядам Дарвина и противоречит взглядам Н. В. Турбина и Н. Д. Иванова.

Дарвин, разбирая вопрос о дивергенции, не случайно подчеркивает, что «...разновидности, даже резко выраженные и имеющие до некоторой степени характер видов,— о чем свидетельствует то безнадежное сомнение, которое во многих случаях возникает при вопросе, куда их отнести²⁰, несомненно различаются между собой гораздо менее, чем хорошие, резко ограниченные виды. И тем не менее, согласно моему воззрению, разновидности — только виды в процессе образования, или, как я их называл, зарождающиеся виды. Каким же образом меньшее различие между разновидностями достигает размеров различия между видами?»²¹.

На этот вопрос Дарвин дает вполне определенный ответ — вымирание промежуточных форм делает резко уклонившуюся разновидность видом. С этим согласен и Н. Д. Иванов, так как, при его взглядах на развитие, он не может найти иного ответа о превращении разновидностей в новую видовую форму. Правда, он пытается согласовать принцип вульгарного эволюционизма с марксистской теорией развития. Выглядит это у него следующим образом: «Дарвинизм видит в процессе развития видов две стороны. Первая — образование разновидностей в результате изменчивости организмов, их наследственности и естественного отбора — представляет собой непрерывную сторону процесса (так сказать, момент накопления количественных изменений.— Н. Н.). Вторая — образование новых видов из крайних разновидностей — является прерывистостью (т. е. качественный переход.— Н. Н.), т. е. другой стороной процесса развития видов; развитие проис-

²⁰ Это, вероятно, и есть «межвидовые» разновидности Н. Д. Иванова?

²¹ Ч. Дарвин. Соч., т. 3, стр. 350. Изд-во АН СССР, 1939.

ходит за счет все большего и большего расхождения и выпадения промежуточных признаков, отмирания менее приспособленных разновидностей, в результате естественного отбора» (стр. 822).

Таким образом, разновидность, пусть даже «межвидовая», становится видом не потому, что произойдет качественное изменение и она станет иной, новой в смысле своих видовых особенностей. Она может стать видом и в случае сохранения всех своих особенностей, которыми она характеризовалась как «межвидовая», если вымрут промежуточные, т. е. менее измененные разновидности. И наоборот, если количественные изменения, под влиянием измененных условий жизни, накопились в той необходимой мере, которая с обязательностью должна привести к переходу в новое качественное состояние, все же перерыва постепенности, т. е. перехода в новое качество, может и не наступить, поскольку процесс вымирания промежуточных разновидностей или не завершится, или даже не имеет места. Ведь два названных процесса не обуславливают один другого. Таким образом, новые виды не возникают как результат перехода одного качественного состояния в другое, они становятся видами в результате вымирания. Эту ошибочную схему видообразования Дарвин развил в своей теории.

Об этом он писал еще в 1856 г. в письме к Аза Грею: «Я думаю, можно доказать вероятность того, что человек получает самые отчетливые разновидности, сохраняя из возникающего то, что наиболее достойно сохранения, и уничтожая прочих... Короче говоря, я допускаю, что виды возникают, как и наши домашние разновидности, в результате сильного вымирания»²². Эту же мысль он проводит и в «Происхождении видов», указывая, что без вымирания, без уничтожения промежуточных форм «... только накопление сходных изменений в длинном ряде последовательных поколений» еще не дает таких различающихся пород, как скаковая и ломовая лошадь, шортгорны и герефорды и т. п.

Речь идет совсем не о том, как утверждает Н. В. Турбин, что Т. Д. Лысенко не объясняет «...почему же та или иная разновидность данного вида при своем дальнейшем изменении не может дать начала новому, обособленному виду» (стр. 802). Академику Т. Д. Лысенко незачем и объяснять этого, поскольку он считает, что любая разновидность, входящая в данный вид, может дать начало новому виду. Дело идет о путях появления нового вида. Т. Д. Лысенко отрицает навязанную природе, противоречащую объективным закономерностям развития, выдуманную форму, которую теперь отстаивают противники Т. Д. Лысенко.

При таком представлении о процессе видообразования становится понятной и трактовка самого вида как категории условной, реально не существующей в природе. Так, в «Происхождении видов» Дарвин писал: «Из всего сказанного ясно, что термин «вид» я считаю совершенно произвольным, придуманным ради удобства, для обозначения групп особей, близко между собою схожих, и существенно не отличающихся от термина «разновидность», которым обозначают формы, менее резко различающиеся и более колеблющиеся (в своих признаках). Также и термин «разновидность», в сравнении с просто индивидуальными различиями, применяется произвольно ради удобства»²³. Иначе и не могло быть, поскольку отнесение той или иной разновидности в категорию вида основывалось не на каких-то объективных критериях, характеризующих видовую форму, а часто субъективно. Последнее особенно отчетливо видно из следующего замечания Дарвина, который подчеркивал, что «...при разрешении вопроса, следует ли известную форму признать за вид или разновидность, единственным руководящим началом является мнение натуралистов, обладающих верным суждением и большой опытно-

²² Ч. Дарвин. Избранные письма. Изд. Ин. лит. 1951, стр. 70.

²³ Ч. Дарвин. Соч., изд. АН СССР, т. 3, 1939, стр. 308—309.

стью. Тем не менее во многих случаях вопрос решается только по большинству голосов натуралистов, так как немного найдется ясно выраженных и хорошо известных разновидностей, которые не были бы признаны за самостоятельные виды, по крайней мере несколькими компетентными судьями»²⁴.

Дело не в том, признает или нет дарвинизм существование траней между видами или отрицает он или нет качественные изменения в природе, а в том, как он объясняет возникновение этих траней, каков путь качественных изменений. Дарвинизм решает этот вопрос неверно, не с позиций подлинной теории развития. Ошибку дарвинизма исправила коренным образом мичуринская наука. Против этого ведут борьбу новоявленные «критики» мичуринской науки, пытающиеся восстановить разбираемую ошибку дарвинизма. Для этого они искажают философию марксизма-ленинизма, не видят различий между дарвинизмом и диалектическим материализмом, т. е. делают ту грубейшую ошибку, которую в свое время допустил Плеханов, а затем меньшевистствующие идеалисты. К таким большим ошибкам и плачевным итогам в конечном счете приводит попытка ревизии мичуринской науки.

Проблема видообразования тесным образом связана с проблемой приспособленности организмов к окружающим их условиям. Заслуга Дарвина заключается в том, что, утвердив в науке идею развития живой природы, идею происхождения одних форм из других, он вместе с тем, на основе естественного отбора, дал материалистическое объяснение имеющейся целесообразности в природе, приспособленности животных и растений к окружающим условиям, включающим как биотическую, так и абиотическую среду. По учению Дарвина, развитие органического мира носит приспособительный характер, что определяется естественным отбором. Под последним мичуринская наука понимает действие трех взаимосвязанных факторов: наследственности, изменчивости и выживаемости.

В своей работе «Новое в науке о биологическом виде» акад. Т. Д. Лысенко не дал развернутого разбора проблемы целесообразности. Им было лишь указано: «Зародившиеся в недрах старого вида единичные экземпляры другого вида, как более соответствующие данным условиям, размножаются и способны вытеснять в этих условиях тот вид, в недрах которого он зародился». Более подробно этот вопрос был освещен Т. Д. Лысенко позднее в публичной лекции, прочитанной в Обществе по распространению политических и научных знаний (не опубликована).

Н. В. Турбин недоволен не столько тем, что в работе по виду не дан подобный анализ данной проблемы, сколько утверждением Т. Д. Лысенко, что зародившиеся новые виды более приспособлены к тем условиям, которые их породили, и в этих условиях они в состоянии, как лучше приспособленные, вытеснять старый вид. Это и берет Н. В. Турбин под огонь своей критики.

Форма его критики носит своеобразный характер. Автор приводит ряд примеров приспособления и для всех случаев формой вопросов подчеркивает, что эти приспособления не могли явиться результатом ассимилирования измененных условий жизни. Он прямо указывает, что возникающие в процессе видообразования формы «...приобретают черты целесообразного приспособления к условиям окружающей среды, в том числе такие черты организации, которые не могут быть результатом прямого приспособления, путем «ассимилирования» измененных условий, измененной «пищи» в широком смысле этого слова. Например, об ассимилировании каких условий можно говорить, когда мы пытаемся понять возникновение таких приспособлений, как покровительственная окраска и форма животных, как явление мимикрии, скажем, при объяснении сходства бабочки каллимы с листом, а палочника с сучком? А ведь это

²⁴ Ч. Дарвин. Соч., т. 3, стр. 303—304.

неотъемлемые признаки известных видов. Ассимилирование каких условий могло привести к возникновению из беспозвоночных животных позвоночных, из яйцекладущих — животных, вынашивающих зародышей в утробе материнского организма?» (стр. 806—807).

Достаточно приведенной цитаты, чтобы увидеть всю ложность позиций Н. В. Турбина. В его словах звучат хорошо знакомые мотивы морганистской лженауки. Ведь почти в таких же формулировках отвергали и отвергают морганисты основное положение материалистической науки — наследование признаков и свойств, приобретаемых организмами в процессе их развития.

Мичуринская биологическая наука многочисленными фактами обосновала закон наследования приобретенных свойств. Она навсегда отвергала так называемую неопределенную изменчивость, утвердив в науке признание изменчивости адекватной воздействию условий среды. Спрашивается, как же после этого можно утверждать о возникновении приспособлений вне ассимиляции измененных условий? Любое приспособление неразрывно связано с изменчивостью. А что же это за изменения, которые возникают вне ассимиляции условий жизни, вне обмена веществ, или возникают не адекватно, не соответственно воздействующим условиям?

Только неодарвинисты-вейсманисты объясняли приспособленность органических форм механическим отбором неопределенных изменений, качество которых якобы независимо от воздействия условий внешней среды. По их представлениям, при такой неопричиненной, разнонаправленной изменчивости и получаются самые разнообразные наследственные формы. Одни из них случайно оказываются соответствующими окружающим условиям, поэтому выживают и размножаются, тогда как другие оказываются неприспособленными, отсеиваются отбором, вымирают. Только с этим представлением согласуется взгляд Н. В. Турбина, но это не имеет ничего общего с мичуринской наукой, с творческим дарвинизмом. То, что приспособленные формы выживают, а неприспособленные погибают, не вызывает сомнения. Но мичуринская биология отрицала и отрицает неопределенную, ненаправленную, т. е. независимую от условий жизни, изменчивость.

Пора понять, что естественный отбор именно в совокупном действии трех взаимосвязанных факторов — наследственности, изменчивости и выживаемости — является действенным фактором развития органического мира. Заслуга мичуринской науки заключается не только в том, что она в понимании естественного отбора заменила дарвиновскую перенаселенность выживаемостью. Заслуга ее заключается в том, что она дала материалистическое объяснение наследственности, как свойства живого требовать для своей жизни и развития определенных условий, и показала адекватный воздействующим условиям жизни характер возникающих изменений.

К сожалению, многие и до сих пор естественный отбор понимают не в дарвиновском, а в вейсманистском плане, рассматривая его лишь как сито. Дарвин, не располагая фактическими данными, допустил ошибку в понимании изменчивости, выдвинув представление о так называемой неопределенной изменчивости. Но мы не имеем права забывать о том, что Дарвин обосновал закон длящейся изменчивости, что он признавал творческую роль отбора, как фактора, направляющего ход изменчивости. Н. В. Турбин, как и Н. Д. Иванов, проходит мимо этого важнейшего положения и встает на позицию морганистов, не признающих связи между изменчивостью организмов и изменениями в их условиях жизни.

По вопросу о приспособлении Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» и «Диалектике природы» дает важнейшие указания, вооружающие нашу науку новым пониманием. «В новейшее время,— пишет Энгельс,— представление об естественном отборе было расширено, особенно благодаря

Геккелю, и изменчивость видов стала рассматриваться как результат взаимодействия между приспособлением и наследственностью, причем приспособление изображается как та сторона процесса, которая производит изменения, а наследственность — как сохраняющая их сторона»²⁵. Если бы Н. В. Турбин вдумался в эту формулировку и сопоставил ее с высказыванием Т. Д. Лысенко, он бы не занимался зубоскальством и не галчал бы советских биологов на морганистские позиции.

Биологическая наука домичуринского периода, не владевшая правильным материалистическим учением о наследственности и ее изменчивости, не признававшая адекватного воздействию характера изменений, не могла исходить из приведенного важнейшего для понимания проблемы приспособления указания Энгельса. Теперь биологическая наука в состоянии это сделать, и на это указал Т. Д. Лысенко. Можно не сомневаться в том, что именно в этом направлении, а не в направлении, указанном Н. В. Турбиным, будет разрабатываться проблема приспособления, и это явится дальнейшим углублением и развитием дарвиновских представлений о приспособлении как результате деятельности естественного отбора. Ивановы, безусловно, поднимут крик о новой ревизии дарвинизма. Но разве в их крике дело!

Мы заканчиваем на этом разбор статей Н. В. Турбина и Н. Д. Иванова. Несомненно, что мы ответили не на все вопросы, затронутые в указанных статьях. Это отнюдь не означает, что оставшиеся без ответа вопросы являются наиболее сильными и обойдены потому, что на них трудно дать ответы. Конечно, дело не в этом. Часть из них просто не заслуживает внимания, чтобы по ним вести полемику, другие — мало интересны.

Н. Д. Иванов, вероятно, считает, что наиболее сильным, украшающим его статью местом является «разоблачение» акад. Т. Д. Лысенко как «морганиста». Заниматься опровержением этого было бы просто неуважением к читателю. Если мы сделали это по вопросу внутривидовой борьбы, то исключительно руководствуясь необходимостью разоблачения мальтузианских наскоков Н. Д. Иванова. Какой смысл заниматься разбором вопроса: совпадают ли взгляды акад. Т. Д. Лысенко на изменчивость со взглядами морганистов или такого отъявленного идеалиста, как Коржинский, если Н. Д. Иванов даже не понимает того, о чем он пишет. Ведь самой сутью морганизма, его основой основ, является отрицание появления новых генов в процессе эволюции и тем более отрицание появления таковых под влиянием измененных условий. Генотип, по морганизму, первозданное начало, прошедшее через всю историю органического мира. Сама жизнь появилась в форме гена. У акад. Т. Д. Лысенко речь идет о зарождении «крупинок», «частичек» живого под влиянием измененных условий жизни. Разве это в какой-либо степени напоминает то, о чем пишут морганисты? Только безответственностью можно объяснить фальшь утверждений Н. Д. Иванова.

Возьмем другой пример. Н. В. Турбин в качестве одного из доказательств несостоятельности взглядов Т. Д. Лысенко на видообразование указывает, что эти представления отрицают наличие родственной связи между видами, а тем самым отрицается возможность единства их происхождения. А Н. Д. Иванов договаривается до того, что это неизбежно приводит к теологии, к представлению о создании каждого вида в отдельности. Разве есть необходимость в подробном разборе этого? Когда читаешь статью Н. В. Турбина, можно подумать, что ему в деталях известны родственные связи между растениями. Он то уж наверно знает, кому ближе в родственном отношении мягкая пшеница, — ржи или ячменю, и как ей приходится костер ржаной: внучатым племянником или дядей. А спросишь, — ведь не ответит. При этом собственное мнение Тур-

²⁵ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 67, Госполитиздат, 1950.

бина меняется в зависимости от того, на какой странице им критикуется Т. Д. Лысенко. Так, на стр. 805 он, как мы уже отметили, критикует его за отрицание родственных связей между видами. На стр. 812, когда Н. В. Турбину нужно доказать свое объяснение, показать иную «неправоту» Т. Д. Лысенко, то в этом случае он пишет: «Далее необходимо отметить, что речь идет о появлении в потомстве одного вида — особой другого, но обязательно близкого исходному, или, лучше сказать, материнскому виду, близкого по систематическому положению, по родству и по биологическим особенностям, связанным с условиями их возделывания, служащего засорителем или спутником посевов первого и, следовательно, по срокам цветения и созревания семян более или менее сходного с первым, — например, разновидности мягкой пшеницы, встречающейся в посевах твердой пшеницы, костер ржаной, встречающийся в посевах ржи, рожь в пшенице, овсюг в овсе и т. д.» (стр. 812).

Попробуй, разберись — чему из написанного он верит сам!

Наконец, последний пример, коронный номер обеих статей — это факты превращения одного вида в другой. Н. В. Турбин дал нам новое объяснение, чем им дает Т. Д. Лысенко и другие. Некоторые считают, что возражающие Н. В. Турбину не могут обойти этого объяснения. Оно якобы решающее. А так ли это? Представим себе на минуту, что не встала задача получения озимых твердых пшениц. Следовательно, не было бы и экспериментальных данных по превращению вида *Tr. durum* в другой вид *Tr. vulgare*. Больше того, даже если бы вообще в настоящее время еще не было бы найдено подобных фактов превращения одного вида в другой, разве от этого становилась бы сильнее неправильная позиция Н. В. Турбина и Н. Д. Иванова, а представления Т. Д. Лысенко были менее правильными?

Без наличия правильных теоретических представлений мы проходили бы мимо таких фактов, не фиксируя на них внимание. Встаньте на позицию Н. В. Турбина или Н. Д. Иванова, — какой интерес для науки представляет в этом случае появление в посевах твердой пшеницы растений пшеницы мягкой? Разве мало появлялось ее в посевах твердой пшеницы? Но возникновение ее трактовалось только как механическая примесь. В этих случаях не поможет и многоотцовство. Даже при одноотцовстве, когда отец неизвестен, и то трудно разобраться, а при многоотцовстве? Да кто бы тратил на это время?

Поэтому совершенно логически правильным был путь развития мичуринской науки: от изучения наследственности и ее изменчивости, установления принципа наследования приобретенных признаков к анализу внутривидовых и межвидовых отношений. Последний показал несостоятельность учения о внутривидовой борьбе, что привело неизбежно к разработке вопроса о виде и видообразовании. Нельзя забывать указаний Ф. Энгельса: «Впрочем, организмы в природе также имеют свои законы населения, еще почти совершенно не исследованные; установление их несомненно будет иметь решающее значение для теории развития видов»²⁶. По этому пути пошел акад. Т. Д. Лысенко. Не случайно его первая работа в этом направлении называлась «Энгельс и некоторые вопросы дарвинизма». Наконец, решение проблемы видообразования выдвинуло на повестку дня науки разработку проблемы приспособления. И здесь указания Ф. Энгельса имеют решающее значение.

Нужно заметить, что самые факты Н. В. Турбин и Н. Д. Иванов не отрицают. Не отрицает Н. В. Турбин и того очевидного факта, как не отрицает этого и Т. Д. Лысенко, что при отдаленной гибридизации могут возникать новые виды, отличные от исходных родительских видов; примером может служить Церепадус, полученный И. В. Мичуриным. Различия будут заключаться в том, что для Т. Д. Лысенко эти

²⁶ Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг», стр. 66. Госполитиздат, 1952.

факты не вносят чего-то принципиально нового по сравнению с объяснением появления нового вида без половой гибридизации. Для Н. В. Турбина же это камень преткновения. Поэтому-то он подобные факты также зачисляет в категорию противоречащих представлениям Т. Д. Лысенко.

Н. В. Турбину хорошо известно, что в случае направленной изменчивости (вегетативная гибридизация, переделка яровых форм в озимые и т. д.) изменяемые формы ведут себя как половые гибриды, т. е. расщепляются в пределах данной видовой формы. Но разве эти новообразования при наличии соответствующих условий, под влиянием которых они возникают, не могут выходить за пределы видовых форм? Н. В. Турбин не разобрал этих доводов, а они куда сильнее его примеров с многоотцовством.

Еще один пример: Н. В. Турбин считает, что все факты по видообразованию можно объяснить выщеплением отцовского типа. А как же быть с данными В. К. Карапетяна, у которого, при изменении твердой пшеницы в мягкую, среди появившихся мягких пшениц были разновидности: Ферругинеум, Мильтурум, Цинереум, Эритроспермум, Лютесценс, Псевдолютесценс, Цезиум? Многоотцовство — многоотцовством, «но зачем же стулья ломать?». Природе все можно приписать, — она безмолвна. Однако надо и совесть иметь, нельзя же пользоваться ее молчанием.

Подобных примеров можно было бы привести много. Н. В. Турбин, выставив свое объяснение, даже не попытался согласовать его с имеющимися фактическими данными. А ведь это была его обязанность, во всяком случае в науке принято поступать так. Иначе и я бы привел десяток гипотез возможного объяснения, заставив других разбираться, кто из нас правильнее объясняет факты.

Какие же можно сделать выводы? Мне думается, они ясны.

1. Н. Д. Иванов и Н. В. Турбин взяли на себя неблагоприятную задачу — попытаться «ликвидировать» главнейшие достижения мичуринской науки, повернуть ее развитие вспять, к неодарвинизму, вплоть до восстановления мальтузианства.

2. В этих целях эти авторы, с одной стороны, занялись вульгаризацией марксистско-ленинской теории развития, с другой, — апологетикой дарвинизма, приравниванием его к диалектическому материализму, т. е. стали заниматься теми же извращениями, какими занимались меньшевистствующие идеалисты.

3. Разгром морганизма и победа мичуринской науки привели к самоуспокоенности среди биологов. Дальнейшему разоблачению вейсманизма-морганизма уделялось недостаточное внимание. Ослабление борьбы с вейсманизмом-морганизмом и привело к такому уродливому явлению, когда среди биологов нашлись люди, которые под видом критики занялись протаскиванием в науку чуждых ей взглядов. Это обязывает нас с еще большей заботливостью оберегать чистоту теории, смело разоблачать все реакционное, что пытается проникнуть в нашу науку.